

В пучину морей.

Темза - это отвратительное животное: она ползет по Лондону подобно червю, или морской змее. В нее впадают все реки: Флит, Тайберн и Некингер. Они несут грязь, пену и отходы, трупы кошек и собак, кости овец и свиней. Все это вливается в бурные воды Темзы, которая несет их на восток, в устье реки, а оттуда в Северное море и в небытие.

В Лондоне льет дождь. Он смывает грязь в сточные канавы, разрастаясь в реки, а реки - в могучие создания. Дождь is a noisy thing не смолкает, брызжет, барабанит, и дребезжит по крышам домов. Если даже это и чистая вода, то это ненадолго: стоит ей соприкоснуться с Лондоном, как она превращается в грязную жижу.

Ее никто не пьет, ни дождевую, ни речную. Ходят шуточки, что вода из Темзы убьет тебя мгновенно, но это не правда. Беспризорники, которые глубоко ныряют за брошенными монетками выныривают живыми, сплевывая речную воду, дрожа от холода и держа в руке свой улов. Если же они и умирают потом, то точно не от этого, хотя ныряльщиков старше пятнадцати не найти.

Женщину, похоже, дождь не волнует.

Она шагает через Ротерхитские доки так, как ходит уже не первый год, в течение многих десятилетий: никто не знает, сколько именно, потому что никому нет до нее дела. Она бродит по докам или же она глазеет на море. Разглядывает корабли, покачивающиеся на якорях. Она должна что-то делать, чтобы держать душу и тело в гармонии, но ни одна живая душа в доках, не имеет даже малейшего понятия, что именно.

Вы нашли убежище от ливня под тентом, должно быть натянутый каким-то парусным мастером. Ты убеждаешь себя, что ты здесь один, во-первых, потому что женщина стоит неподвижно, как статуя, смотря вдаль на горизонт реки, хотя за пеленой дождя ничего не разглядеть. Дальний берег Темзы исчез.

А потом женщина замечает вас. Она видит тебя, и начинает говорить, не с тобой, о нет, а с серой водой, которая хлещет с затянутого неба в темную реку. "Мой сын хотел быть моряком» - говорит она, и ты не знаешь, что ответить, или как на это ответить. Тебе придется кричать, чтобы она услышала тебя сквозь рев дождя, но она продолжает говорить, и ты просто

слушаешь. А потом ловишь себя на мысли что ты напрягся и вслушиваешься изо всех сил, стараясь не упустить ни слова.

"Мой сын хотел быть моряком. "Я сказала ему не идти в море. Я твоя мать, сказала я. Море не любит тебя так, как люблю тебя я, оно жестоко.

Но он сказал. Ах мама, я так хочу повидать этот мир. Я хочу увидеть, как солнце восходит в тропиках, посмотреть танец Северного сияния в небе Арктики, и больше всего я хочу сколотить состояние, а затем, когда разбогатею, я вернусь к тебе, и построю тебе дом, и у тебя будут слуги, и мы с тобой будем танцевать, мам, - ах, как мы будем танцевать ...

"И что же я буду делать в огромном доме? - спросила я, ты простофиля, хоть и говоришь **убедительно**, и я **напомнила** ему о его отце, который так и не вернулся из плавания, - некоторые говорили, что он погиб и **покоится пучине морей**, а другие клялись, что видели его в Амстердаме, где он обзавелся борделем.

Но **все без толку**. Море забрало его.

Когда ему было двенадцать, **my boy** он убежал из дома и прибежал сюда, в доки и нанялся на первый попавшийся корабль, идущий на остров Флориш на Азорах, - так мне **сообщили**.

Существуют проклятые корабли. Плохие корабли. Их перекрашивают после каждого несчастья и дают новое имя, чтобы одурачить неосторожных.

"Моряки суеверны. Слухи расходятся быстро. Капитан посадил этот корабль на мель по приказу судовладельцев, чтобы обманом получить страховку; а затем отремонтировал его настолько, сколько было возможно, но тут же попал в лапы пиратов; после этого он принимал груз одеял, и на корабле произошла вспышка чумы: единственные трое выживших чудом довели его в порт Гарвича...

"**На этот** проклятый корабль и нанялся мой сын. Он был уже на полпути домой, везя мне заработанные деньги - потому что он был еще слишком юн, чтобы растрачивать их на женщин и грог, как и его отец, - разразилась буря.

Он был самым младшим на спасательной шлюпке.

"Они сказали, что тянули жребий честно, но я им не верю. Он был младше всех. За восемь дней в открытой лодке, они **должно быть изголодались**. Если даже они и впрямь тянули жребий, то наверняка сжульничали.

"Они обглодали его кости дочиста, одну за другой. и передали их новой матери - морской пучине. Она не пролила ни слезинки и взяла их без единого слова. Она жестока.

"Иногда я жалею, что он сказал мне правду. Он ведь мог и соврать.

"Они передали кости моего мальчика морю, но помощник капитана, который оставил себе одну косточку на память, знал моего мужа, и меня тоже знал, пожалуй, даже куда лучше, чем думал мой муж, если уж на то пошло. He kept a bone, as a keepsake.

"Когда они вернулись на землю, все они клялись и зарекались, что мой сын погиб во время шторма, потопившего корабль. Но помощник капитана пришел ко мне ночью и рассказал всю правду – дав мне эту косточку во имя нашей былой любви.

"Я сказала: «что ты наделал Джек?». Это был твой сын, тот кого ты съел.

"В ту ночь море взяло и его тоже. Он вошел в воду, набив карманы камнями, продолжая идти. Плавать он не умел.

"С тех пор я повесила кость на цепочку, чтобы помнить их обоих, поздно ночью, когда ветер разносит океанские волны, швыряя их на песок, и вой его так похож на плач младенца"

Дождь понемногу стихает, и ты думаешь, что она закончила, но вдруг, впервые за все время, она смотрит на тебя. И, кажется, хочет что-то сказать. Она вытащила что-то из-за воротника на шее и теперь протягивает ее тебе.

"Вот. Говорит она. Ее темно-бурые, словно реки Темзы глаза встречаются с твоими. – Хочешь потрогать?

Вы хотите сорвать кость с ее шеи, бросив в реку на поживу беспризорникам или чтобы она пропала навеки. Но вместо этого, ты выходишь из-под тента, и дождевая вода стекает вниз по твоему лицу, словно чужие слезы.